В фойе Ямена Магистрата Патруля, на втором месте кресла Императорского Магистра сидел открытый Магистрат Патруля Чжан Тун, а разбитая кнутом официальная униформа была снята и временно переодета в гражданскую одежду.

Ма Цзи Сян пришла в ярость, услышав его голос, прежде чем увидеть его: "Мастер Чжан, что ты хочешь сделать?".

До того, как Чжан Тун открыл рот, Ма Цзи Сян, которая была одета в питоновый халат и нефритовый пояс, уже сидела на стуле Императорского Магистра, на котором только что сидел Чу Цз Лонг, как и агрессивное отношение лидера, спрашивающего подчиненного: "Я слышал, что ты избил наш народ?".

Чжан Тонг открыто спокойно сказал: "Два злодея выбили лошадь на улицу, топчут людей и оскорбляют спасателя, я лишь слегка их наказываю".

Услышав слово "злодей", Ма Цзисян, который только что отдохнул, чуть не взорвался, его глаза уставились, как бычьи яйца, уставившись на Чжан Тунчана.

Прошло много времени, прежде чем он сказал: "Хорошо! Боже, господин Чжан, теперь у тебя хватает наглости напасть на королевскую полицию!"

Чжан Тун открыт сидел там тихо, молча, его ум рассчитал, как заманить старого евнуха в приманку.

Ма Цзисян думала, что этот парень презирает себя и еще больше возмущается, когда усиливает свой тон: "Ты настаиваешь на том, чтобы разлучиться с нашей семьей?".

Чжан Тун открыто засмеялся и сказал: "Никогда не бывая в одной лодке, как может быть разделение?".

"В одной лодке"? Лорд Чанг, что вы имеете в виду?" Ма Чжи Сян потопила его лицо.

Чжан Тунчан фыркнул: "Дороги в Тунгуане, Вэйнане, Хучжоу, Ханьчжуне и Синьяне были построены под наблюдением Вашей префектуры охраны Синьцзина, верно? Большое наводнение в Шэньси в прошлом году, все было уничтожено!"

Ма Цзи Сян дважды хрюкнула: "Эти дороги были построены вашим правительством, и это еще и двор вашего инспектора, который заботится о вещах, которые идут не так, так что же делать с нашей семьей"?

Чжан Тонг открыто поднял голос и щелкнул: "Это ваше признание!"

Чжу Цзы Длинный за экраном услышал это и внезапно был потрясен.

"Цх-цх, Чжан Фудай такой классный, и что с того, что это проверка нашей семьи"?

Основным направлением деятельности компании является предоставление широкого спектра продуктов и услуг для населения.

Чжан Тонгкан сказал: "Разве ты не думаешь о народе мира и королевском покровительстве? Разве ты, Маджи Шанг, не боишься опозорить королевскую семью и проклинать небеса, ведя себя подобным образом?"

Ма Цзисян не думала, что Чжан Тунсян будет таким неблагодарным, и кричала в шоке и

гневе: "Превратился в Чжана, ты грубиян! Кто ты такой, чтобы читать лекции нашей семье?"

Он резко встал, указал пальцем на небо и громко сказал: "Несколько слов с небес - еще не твоя очередь говорить! Три столицы и 18 провинций этой великой династии Мин лежат на плечах Его величества, на наших плечах".

Чжу Цзы Лонг был там настолько зол, что начал трепетать, был ли это домашний раб, которого он вырастил? Жадный, высокомерный и властный!

Больше всего в своей жизни он ненавидел господство над людьми, потому что сам был господствующим человеком и чутко относился к господству над другими.

Я только слышал, как Ма Цзи Сян снова сказала: "Мастер Чжан, мы спрашиваем вас сейчас только об одном, вы полны решимости пойти против нас"?

Чжан Тонг открыл слегка улыбнулся, снова молчал, сидел и больше не брал слов.

Его цель достигнута, не утруждая себя рэпом старых евнухов, если ожидаемое верно, то тиран сзади уже на грани ярости.

Еунухи жадны, не говоря уже о том, что они хладнокровны, очень хладнокровны, Ма Цзи Сян хладнокровно фыркнул: "Ты, феодальный чиновник, все еще хочешь это сделать"!

Чжан Тунлян пренебрежительно посмотрел на него и сказал: "Не тебе решать, хочешь ты этого или нет!"

Это было похоже на преднамеренную провокацию, спровоцировавшую возмущение Маджи Шанга, и он мрачно сказал: "Бесчувственность! Ты всего лишь инспектор провинции, и у нас есть способы с тобой разобраться!"

Чжан Тун Хуан не захотел показывать свою слабость. Тогда этот офицер ждет тебя!"

Раньше Чжу Цзы Лонг просто злился на слова Чжан Тун Бана, а когда услышал это, то добавил топлива в огонь, как он, евнух, как Ма Цзи Сян, может быть квалифицирован для назначения или увольнения провинциального губернатора?

Скачущий урожай в его руке треснул о экран, и Чжу Цзы Лонг гневно закричал: "Безгражданский раб, нахальный!".

Ма Цзи Сян была шокирована и подсознательно выпила: "Кто там подслушивал нашу семью? Убирайся!"

Чу Цзы Лонг вышел из-за экрана с черным лицом, как тигр в полной ярости, и медленно подошел к Ма Цзи Сян.

Увидев посетителя, лицо Ма Цзи Сян вдруг стало белым.

Раньше Старая Мама сидела на стуле Императорского Магистра, но теперь он стал лежать, все его тело было парализовано от страха и скользило вниз, как грязь.

"Три столичные провинции Великого Мина, 18 провинций, когда пришла твоя очередь носить его на плечах? Ты достоин собаки?"

Чу Цзы Лонг низко заплакал и треснул кнутом по Ма Цзи Сян, подергивая его в бешенство.

"Император... Император!"

Маджи Шанг сразу стоял на коленях, а в своем духовном мире он был львом, с гордостью смотрящим вниз на одетых зверей!

Тем не менее, в лице своего истинного хозяина, он понял, что он был не более чем собака! Собака, которую хозяин хлещет в любое время!

"Па! Щелк! Папа!"

Чжу Цзы Лун дал семь или восемь ресниц подряд на спину Ма Цзи Сяна, размывая его плоть и кровь.

Он закричал с угрюмым лицом: "Что делает тебя квалифицированным, чтобы убить провинциального губернатора? Кто дал тебе это умение?"

"Девушка-рабыня была неправа! Рабский слуга был неправ! Император помиловал!"

Ма Цзи Сян перенесла сильную боль и бросила голову на землю с большой скоростью, котовствуя, как он признал свою ошибку.

Вдруг он перестал двигаться и протянул руку, чтобы дать пощечину своему старому лицу, говоря: "Рабский раб заслуживает смерти, этот мир - императорский, раб раб не имеет бесстыдного лая собак, раб раб заслуживает смерти".

Затем старый конь дал себе пощечину направо и налево, и продолжал бить себя, без грубости, до тех пор, пока его рот не наполнился кровью.

Он прекрасно знал, что если он не примет меры по исправлению, то застрянет здесь на всю оставшуюся жизнь.

Лицо Чжан Тунляна слегка изменилось, тайно сказав, что этот старый евнух был жесток по отношению к другим, но еще более жесток по отношению к самому себе, поэтому я боюсь, что император пощадит свою жизнь, вспоминая свои старые чувства.

Тем не менее, Чжан Тонг открытый не прервал, тем больше в этот раз, тем больше он не мог показать сильную враждебность, в противном случае подозрительный император может подозревать себя.....

Официальное право было сложным, не было такой вещи, как правда, все зависело от настроения верхушки.

Чжу Цзы Лун дал еще дюжину ресниц подряд, и, глядя на Ма Цзи Сяна в жалком состоянии, он немного выпустил свой гнев, поэтому остановился и спросил: "Встань на колени и расскажи нам о коррупции в дорожном строительстве!".

"Да... это...

Ма Цзи Сян не осмелился его скрыть и дал отчет обо всем этом, включая несколько местных чиновников, которые подкупили правительство гарнизона Синьцзина и жадно потратили государственные средства на строительство дороги.

Он ясно знал, император пришел, этот вопрос не может быть скрыт, несмотря ни на что, вместо того, чтобы ждать, чтобы узнать, лучше дать полный отчет, в конце концов, любимый

император нескрытых верных евнухов.

Верность, в конце концов, была единственным способом спасти жизнь евнуха.

Чу Цзы Лонг сузил глаза и спросил в холодной и угрюмой манере: "Вы сказали, что сговор с местными чиновниками в Шэньси с целью хищения государственных средств на строительство дорог был делом рук ваших нескольких бездарных крестников?

Ма Цзи Сян потерял голос и закричал: "Репортаж императору, то, что я сказал - правда..... Я знал об этом, но не наказал своих подчиненных и даже получил некоторые льготы..... Самый достойный из десяти тысяч смертей!"

Как старик во дворце, Ма Цзи-сиань был известен своими навыками избиения лошадей, и был очень хорош в обслуживании своего начальства, не менее Вэй Чжунсянь, который был повышен несколькими евнухами дворца, которые держали печать, и даже У Чжун, главный администратор дворца, имел некоторую привязанность к нему, и получил его полтора поста в Восточной палате.

В первый раз, когда я был в больнице, я должен был поехать в больницу, чтобы найти врача.

http://tl.rulate.ru/book/41393/1100062